

СТАНОВЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ: Й.А. ШУМПЕТЕР¹

3.1. Страницы биографии

Йозеф Алоиз Шумпетер (Josef Alois Schumpeter, 1883–1950) родился в Австро-Венгрии, в городе Триш (Моравия). Переехав после смерти отца в Вену, он получил образование в лицее. Его мать вышла замуж за коменданта венского горнизона, что позволило ей дать сыну прекрасное образование и аристократическое воспитание. Элитарная среда, в которой прошло его детство, наложила неизгладимый отпечаток на всю его оставшуюся жизнь. В 1901–1906 гг. он учится в Венском университете — одном из крупнейших интеллектуальных центров тогдашней Европы. Вместе с ним на лекции и семинары к Ф. Визеру и Э. Бём-Баверку ходили О. Бауэр и Р. Гильфердинг. Получив степень доктора права, по окончании университе-

**Йозеф Шумпетер
(1883–1950)**

¹ Впервые опубликовано: *Нуреев. Р.М. Й. Шумпетер. История экономического анализа // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М.: Экономика, 1989. С. 236–247, 308–310; Нуреев Р.М. Роль схоластики: действительная и мнимая // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 2. М.: Экономика, 1990. С. 258–267.*

та Й. Шумпетер занимался частной юридической практикой в Египте, однако практическая деятельность не принесла ему больших успехов. В 1909 г. он получил должность профессора политической экономии в университете в Черновцах, а с 1911 г. начал преподавать в Граце (Австрия). В 1919–1920 гг. в течение нескольких месяцев он занимал пост министра финансов в коалиционном правительстве католиков и социал-демократов. Однако положение его в этом правительстве было неустойчивым, и он, не успев изложить свою программу, был вынужден уйти в отставку. Не принесла ему лавров и деятельность в качестве президента частного банка. В 1924 г. банк потерпел крах, и Й. Шумпетер был вынужден вернуться к академической деятельности, потеряв почти все свое состояние. В разное время он преподавал политическую экономию в ряде европейских и американских университетов, читал лекции в Японии, а с 1932 г. и до конца жизни работал в Гарвардском университете (США). Й. Шумпетер был одним из основателей, а в 1937–1941 гг. президентом Эконометрического общества, в 1949 г. был президентом Американской экономической ассоциации.

В конце XIX — начале XX в. усилился кризис традиционных представлений, четко обозначались различные направления и школы в буржуазной политической экономии. С этими направлениями Й. Шумпетер был хорошо знаком. В молодости он изучал произведения теоретиков австрийской школы, штудировал сочинения К. Маркса. Во второй половине 20-х гг., заведя кафедрой государственных финансов в Боннском университете, достаточно глубоко ознакомился с работами представителей новой исторической школы, а позднее — с трудами американских институционалистов. Уже в 1914 г. появилась его работа «История теорий и методов (очерк политической экономии)», которая стала первым эскизом его будущей «Истории экономического анализа». С 1910 по 1950 г. были опубликованы его статьи, посвященные Л. Вальрасу, Э. Бём-Баверку, К. Менгеру, Г. Кнаппу,

Ф. Визеру, В. Борткевичу, А. Маршаллу, Ф. Тауссигу, Дж. Кейнсу, И. Фишеру, В. Парето, У. Митчеллу, которые позднее были объединены в книгу «Десять великих экономистов. От Маркса до Кейнса» (1951). Однако в центре внимания Й. Шумпетера в 1910–1930-е гг. была не история экономической мысли как таковая, а опыт динамического моделирования и изучение перспектив развития капитализма.

Пытаясь найти некий средний путь в области экономической теории Й.А. Шумпетер оказался вне каких-либо конкретных течений и школ. Признавая его вклад в экономическую науку, многие из его современников не считали Шумпетера своим.

3.2. Понятие предпринимателя у Й.А. Шумпетера

Й. Шумпетер всю жизнь стремился к созданию целостной теории экономического роста, которая нашла свое выражение в ряде его работ. Наибольшее значение для характеристики теоретических взглядов Й. Шумпетера имеют его монографии «Теория экономического развития» (1911), «Экономические циклы» (1939) и «Капитализм, социализм и демократия» (1942).

Стремление преодолеть статичность построенной маржиналистов получило яркое выражение в книге «Теория экономического развития», которая имеет характерный подзаголовок: «Исследование предпринимательской прибыли, капитала, процента и цикла конъюнктуры». В этой работе Й. Шумпетер показал, как в результате деятельности «предпринимателей» осуществляется развитие в капиталистическом обществе. Главной функцией «предпринимателя», по Й. Шумпетеру, является способность осуществлять нововведения, внедрять их в производство. «Производить, — считал ученый, — значит комбинировать имеющиеся в нашей сфере вещи и

силы... Производить... — значит создавать другие комбинации из этих вещей и сил»². Форма и содержание развития, с точки зрения Й. Шумпетера, определяются понятием «осуществление новых комбинаций».

В понимании Й. Шумпетера предприниматель — это человек, который способен «осуществлять новые комбинации». Они заключаются в следующем:

1. Изготовление совершенного нового продукта (блага).
2. Внедрение нового способа производства.
3. Освоение нового рынка сбыта.
4. Получение или открытие нового источника ресурсов или сырья.
5. Создание монополии или разрушение монопольного положения.

Й. Шумпетер не отождествлял «предпринимателя» с капиталистом, поэтому «предприниматель» — это не персонификация капитала, это не наделенный плотью и кровью капитал. «Право собственности на промышленное предприятие или вообще на любое «имущество», — писал Й. Шумпетер, — не является для нас существенным признаком предпринимателя»³. «Предприниматель», по Й. Шумпетеру, — это человек инициативы, внедряющий в производство новые комбинации. Им может быть, с точки зрения автора, и фабрикант, и администратор, имеющий реальную власть, и директор, и учредитель. По его словам: «Право собственности на промышленное предприятие или вообще на любое имущество не является существенным признаком предпринимателя»⁴. Шумпетер подчеркивает, что он не называет предпринимательскую деятельность трудом, поскольку его занятие «как по своей природе, так и по выполняемой функции качественно отличается

² Шумпетер И. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982. С. 158.

³ Там же. С. 170.

⁴ Там же. С. 170.

от любого другого»⁵. Далее, он рассматривает мотивы поведения предпринимателя:

1. Желание создать частную империю/династию.
2. «Стремление к успеху ради успеха»⁶.
3. Занятие любимым делом.

«Предпринимателю» приходится преодолевать многочисленные препятствия — объективные и субъективные, технические и социальные. Осуществление этих нововведений становится возможным, как полагает Й. Шумпетер, благодаря существованию кредита. «Капиталистическая система кредита, — пишет ученый, — фактически выросла из финансирования новых комбинаций и развилась на нем»⁷. Поэтому уплата процента является своеобразной данью за технический прогресс. С течением времени, однако, человечество привыкает к нововведениям, и поэтому Й. Шумпетер оценивал исторические судьбы «предпринимателей» весьма пессимистично.

3.3. «Экономические циклы. Теоретический, исторический и статистический анализ капиталистического процесса»

Продолжением «Теории экономического развития» стала вышедшая в 1939 г. монография «Экономические циклы. Теоретический, исторический и статистический анализ капиталистического процесса». В этой книге Й. Шумпетер показал, каким образом осуществляется развитие, т.е. как нарушается равновесие системы благодаря нововведениям, почему происходит изменение темпов роста и чем заканчивается цикл деловой активности. Й. Шумпетер выделял три вида

⁵ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. С. 166

⁶ Там же. С. 168.

⁷ Там же. С. 164.

колебаний. Наиболее длинные из них, достигающие 55 лет, он называл «циклами Кондратьева». Они состоят из ряда средних — десятилетних циклов, названных Й. Шумпетером «циклами Жуглара». Эти средние циклы включают, в свою очередь, ряд коротких, длиной в 2 года и 4 месяца, получивших название «циклы Китчина». Изучая экономические циклы, Й. Шумпетер, стремясь достигнуть определенного единства, использовал различные методы: теоретический, исторический и статистический. Ведущим среди них, безусловно, является теоретический (аналитический) метод, которому подчинены исторические иллюстрации и статистические выкладки.

Й. Шумпетер выделял причины нарушения экономического равновесия: политические (войны, революции и т.д.), экономические (рост населения, изменение норм накопления и др.) и технические (нововведения, т.е. изменение комбинаций факторов производства). Анализируя эти факты, Й. Шумпетер пришел к мысли о том, что главную роль в развитии капиталистического общества играют нововведения, которые осуществляют «предприниматели». Цикл же деловой активности представлен следующим образом: равновесие — его нарушение путем нововведений — рост цен факторов производства, денежных доходов и процента — рост издержек — рост цен — рост кредита — сокращение инвестиций — снижение цен — падение нормы процента и спроса на кредит — новое равновесие⁸. Как мы видим, в этой работе в центре анализа по-прежнему остается свободный «предприниматель» и недооценивается роль монополий и государства.

---

⁸ *Schumpeter J.A.* Business cycles. A theoretical, historical and statistical analysis of the capitalist process. Vol. 1. N. Y.; L., 1939. P. 130–137.

3.4. «Капитализм, социализм и демократия»

В какой-то мере Й. Шумпетер пытался преодолеть эту ограниченность в работе «Капитализм, социализм и демократия» (1942). Эта книга состоит из пяти частей. В первой части Й. Шумпетер изложил марксистское учение. Вторая часть посвящена анализу исторических судеб капитализма. Он характеризовал капитализм как динамическую систему, состоящую из частных «предпринимателей», осуществляющих нововведения с целью получения прибыли. Й. Шумпетер рассматривал капитализм как разновидность торгового общества, в основе которого лежат два элемента: «...частная собственность на средства производства и регулирование производственных процессов посредством частных контрактов». Й. Шумпетер пытался выяснить факторы, угрожающие капитализму. Важнейшим среди них Й. Шумпетер считал упадок предпринимательской деятельности, замену деловой активности инициативных индивидов работой различных учреждений, бюро и комиссий. «Управление промышленностью и торговлей сведется к рутинному администрированию... возникнет самый настоящий социализм»⁹.

Й. Шумпетер очень точно подметил ситуацию, которая широко распространена и в наши дни: «Технологический прогресс все больше становится делом коллективов высококвалифицированных специалистов, которые выдают то, что требуется»¹⁰. Главной причиной этого ученый считал упадок предпринимательской деятельности.

Параллельно происходит замена индивидуального капитала акционерной формой. Шумпетер считал, что акционеры не заинтересованы в техническом прогрессе, а только хотят получать дивиденды. Особенно это выражено у мелких владельцев акций. Место буржуазии занимают получающие

⁹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 183.

¹⁰ Там же. С. 184.

жалованье служащие и алчные, вечно обиженные акционеры — люди, не способные ни на какие подвиги ради технического прогресса. Другая причина — это усиление монополистических тенденций. Далее он объясняет, что это вполне закономерный процесс, поскольку он способствует прогрессу в условиях капиталистического общества.

С течением времени человечество привыкает к нововведениям, и поэтому Й. Шумпетер оценивал исторические судьбы предпринимателей весьма пессимистично. Неудивительно поэтому, что вторая часть его книги «Капитализм, социализм и демократия» прямо начинается с вопроса: «Может ли капитализм выжить?» Й. Шумпетер дает на него отрицательный ответ¹¹.

Третья часть посвящена социализму. «Социалистическое общество, — писал Й. Шумпетер, — мы можем определить как институциональную систему, в которой контроль над средствами производства и над самим производством находится в руках центральной власти, или, как мы можем сказать, в которой, с принципиальной точки зрения, экономическая власть в обществе принадлежит всему народу, а не частным лицам»¹². Полемизируя со своими оппонентами, Й. Шумпетер не только допускал возможность существования такой системы, но считал целесообразным говорить о преимуществах социализма (плановое развитие экономики, широкое распространение нововведений, передовых методов хозяйствования и т.д.).

Ученый критиковал распространенные на Западе представления о бюрократизме, сокращении сбережений и низкой дисциплине труда при социализме¹³. Бюрократизм, справедливо замечал Й. Шумпетер, сформировался и получил значительное развитие уже при капитализме. Сокращение частных

¹¹ Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. N. Y.; L., 1942. P. 61.

¹² Ibid. P. 167.

¹³ Ibid. P. 205–219.

сбережений при социализме компенсируется ростом сбережений государственных предприятий и организаций. Что же касается дисциплины, то при социализме в условиях ликвидации эксплуататорских классов она станет сознательной и добровольной. Таковы представления Й. Шумпетера о развитии, централизованном социализме. Означает ли это, что Й. Шумпетер пропагандировал скорейший приход социализма? Оказывается, нет.

Как справедливо заметил Дж.Ф. Белл, «...Шумпетер не был твердым защитником какого-либо «-изма» или дела. Он был критиком социалистических доктрин, однако он находил в них элементы истины, он не любил марксизм, однако отмечал блистательность «великого учителя социалистического вероучения»; он не был твердым защитником капитализма, но в то же время критически отзывался об идеях «Нового курса» (Ф. Д. Рузвельта. — *Р. Н.*), который пытался определить следующий шаг капитализма. Он был, вероятно, консерватором, со склонностью к широким политическим взглядам и нежеланием проявлять усердие реформатора или энтузиазм в отношении какой-либо особой догмы»¹⁴.

В четвертой части книги, озаглавленной «Социализм и демократия», Й. Шумпетер пытался доказать, что, хотя в теории возможно совмещение этих понятий, на практике оно оказывается трудно достижимым. Эта идея иллюстрируется в пятой части, где дан исторический обзор развития социалистических партий. Если элита, способная осуществлять демократию на практике, в рамках социалистических партий еще не сформировалась, то приход этих партий к власти, считал Й. Шумпетер, приведет к нарушению высоких принципов социализма, принятию далеко не оптимальных решений и грубому нарушению естественных прав человеческой личности.

Таковы были теоретические взгляды Й. Шумпетера, приступавшего к созданию грандиозной «Истории экономиче-

---

¹⁴ Bell J.F. A History of Economic Thought. N. Y., 1953. P. 653.

ского анализа». Несомненно, достоинство этой работы состоит в том, что она написана ученым-теоретиком, а не историком, специализирующимся только в этой области экономического знания. Это предопределило глубину теоретического анализа взглядов предшественников.

3.5. «История экономического анализа»

«Это — великая и грандиозная книга, — писал С. Кузнец, — великая потому, что была написана ученым огромной эрудиции, широкого интереса, блестящего вдохновения и пронизательности, при всей странности его суждений; грандиозная, потому что цель была столь велика, что несмотря на усилия всей жизни остались широкие пробелы и поспешные заплаты»¹⁵.

«История экономического анализа» Й. Шумпетера — одно из крупнейших сочинений по истории экономической мысли. Первое издание этой книги вышло в Нью-Йорке в 1954 г. уже после смерти автора. Й. Шумпетер не успел ее закончить сам, и рукопись была подготовлена к печати его женой Элизабет Шумпетер и Василием Леонтьевым. Только человек такой высокой культуры, каким был Й. Шумпетер, мог создать этот поистине энциклопедический труд. Й. Шумпетер вошел в историю экономической науки прежде всего как ученый-теоретик, однако его собственные сочинения всегда основывались на глубоком изучении работ предшественников. Поэтому теоретические исследования оказались важнейшей предпосылкой его «Истории экономического анализа».

Первую часть своего труда Й. Шумпетер посвятил определению предмета своего исследования. Она называется «Предмет и метод» и состоит из четырех глав. В первой главе рассматривается план книги, анализируются причины

¹⁵ *Kuznets S. History of Economic Analysis: a review article // History of Economic Thought. N. Y., 1955. № 15. P. 212.*

изучения истории экономической науки, а также определяется ее предмет. Во второй главе исследуется техника экономического анализа в экономической истории, статистике, «теории» как таковой, экономической социологии, политической экономии и прикладных экономических науках. Третья глава посвящена современным достижениям в близких к экономической науке областях общественнознания. Й. Шумпетер изучает взаимосвязь экономики с психологией, социологией, логикой и другими областями философского знания. В четвертой главе представлена социология экономической науки Й. Шумпетер успел написать только первый параграф, в котором обсуждается вопрос: «Является ли история экономической науки историей идеологии?» Автор предполагал во втором параграфе рассмотреть «движущие силы научного поиска и механизм научного развития», а в третьем — «персонал науки вообще и экономической науки в частности»¹⁶.

В первой главе I части Й. Шумпетер дает пять определений науки, акцентируя внимание на том, что наука, в отличие от здравого смысла, представляет из себя «знание, вооруженное инструментами»¹⁷. Экономическая наука оказывается не системой категорий и законов, управляющих производством, распределением, обменом и потреблением материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества, а «ящиком с инструментами» — это определение Дж. Робинсон по существу использует в своей книге Й. Шумпетер¹⁸. Тем самым акцент переносится с предмета исследования на метод. Поэтому целью становится изучение не экономической науки как таковой, а истории ее метода, техники анализа. Такой подход позволяет Й. Шумпетеру показать, что история экономического анализа уже, чем история экономической мысли, и даже, в определенном смысле, уже, чем

¹⁶ Schumpeter J.A. History of Economic Analysis. N. Y., 1954. P. 33.

¹⁷ Ibid. P. 7.

¹⁸ Ibid. P. 15.

история систем политической экономии. Однако предмет истории экономического анализа сопровождается столькими оговорками, что, по существу, сводит на нет эти различия¹⁹. Поэтому, как справедливо заметил М. Перлман, «...различие между подходом Шумпетера к предмету истории нашей дисциплины и подходом многих других не столь разительны, сколь он их стремится представить... То, что он сделал, было не столь отлично от усилий других, это было просто лучше»²⁰.

Противопоставление истории экономического анализа истории экономической мысли нужно было Й. Шумпетеру не только для того, чтобы абстрагироваться от прямого влияния идеологии, но и для того, чтобы показать, что прогресс существует только в технике анализа, а не в самих доктринах как таковых. «Мы, — писал Й. Шумпетер, — можем в самом деле предпочесть мир современного диктаторского социализма миру Адама Смита или наоборот, но такие предпочтения будут столь же субъективными оценками, как и предпочтения, которые, пользуясь сравнением Зомбарта, оказывают мужчины блондинкам или брюнеткам. Иными словами, в вопросах экономической и всякой иной политики не существует объективного значения понятия «прогресс», поскольку отсутствует реальная база для сравнения»²¹.

Хотя Й. Шумпетер как глубокий исследователь понимал взаимосвязь экономических концепций с материальными

¹⁹ Это отмечал Э. Жамс в «Истории экономической мысли XX века». «Известно, — писал он, — что Шумпетер ставил задачу написать не историю *экономической мысли*, а историю *экономического анализа*. Поэтому его точка зрения значительно более ограничена, чем наша. Вместе с тем, принимая во внимание поставленную цель, Шумпетер разрешил себе сделать немало отступлений. Возможно, широкого читателя нельзя заинтересовать историей инструментов экономического анализа без того, чтобы не напомнить одновременно о том, как творцы этих инструментов создавали их» (Жамс Э. История экономической мысли XX века. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. С. 30 (Прим.)).

²⁰ Perlman M. Schumpeter as a Historian of Economic Thought // Schumpeterian Economics. Ed. by Helmut Frisch. N. Y., 1982. P. 145.

²¹ Schumpeter J.A. History of Economic Analysis. P. 40.

интересами и даже сомневался в существовании беспристрастных мыслителей. Тем не менее он отрицал необходимость поиска классовых корней экономических доктрин, полагая, что главными должны быть аргументы науки как таковой. «...Иногда может быть интересно задать вопрос, — писал Й. Шумпетер, — **почему** человек говорит то, что он говорит, но любой ответ сам по себе не скажет нам, правильными или ложными являются его суждения»²².

С попыткой уйти от классового анализа связано стремление Й. Шумпетера преуменьшить влияние философии на развитие экономической науки. Считая, что типичные для историографии частые ссылки на философию являются «одним из важнейших источников псевдообъяснения развития экономического анализа», Й. Шумпетер впадал в другую крайность, полагая, что «экономический анализ никогда не формировался под влиянием философских взглядов»²³. Подобное утверждение не только не соответствует действительности, но и противоречит содержанию книги Й. Шумпетера, в которой влияние философии на экономическую науку представлено достаточно широко и глубоко. Правда, стремление придерживаться провозглашенного принципа нередко приводит автора к очевидным логическим противоречиям. В частности, в первой главе второй части он дает характеристику экономических взглядов древнегреческих ученых (см. § 2–5), которые, как известно, являлись органической составной частью их философских концепций, до характеристики древнегреческой философии (см. § 6).

Признавая большой вклад К. Маркса в развитие политической экономии и общественных наук в целом, Й. Шумпетер сопровождал свою оценку, однако, тремя оговорками. Во-первых, считал он, К. Маркс «был совершенно слеп по отношению к идеологическим элементам, существующим в своей собственной системе... Идеология трудящихся не лучше и

²² Schumpeter J.A. History of Economic Analysis. P. 11.

²³ Ibid. P. 31, 32,

не хуже, чем любая другая... Во-вторых, марксистский анализ идеологических систем мысли сводит их к сгусткам классовых интересов, которые, в свою очередь, определяются исключительно в экономических терминах... В-третьих, Маркс и особенно большинство его последователей с излишней легкостью сделали вывод о том, что положения, в которых заметно идеологическое влияние, *ipso facto* (в силу самого факта) безоговорочно должны быть осуждены... Возможно, и Галилей, и его оппоненты преследовали идеологические цели. Но это не мешает нам говорить, что Галилей был «прав»²⁴.

Мы привели столь длинную цитату для того, чтобы показать, какими приемами пользовался Й. Шумпетер для доказательства внеклассового характера экономических доктрин. Во-первых, он смешивал общественные науки с естественными, о чем наглядно свидетельствует его пример с Галилео Галилеем. Во-вторых, признание развития общества как естественно-исторического процесса, как закономерной смены ряда общественно-экономических формаций объективно ставит вопрос о прогрессивном или реакционном характере деятельности тех или иных классов и социальных групп и соответственно экономических теорий, выражающих их материальные интересы. Естественно, что экономические концепции связаны с идеологической борьбой между теми, кто стремится осуществить переход к более прогрессивному социально-экономическому строю, и теми, кто препятствует достижению этой цели. Конечно, в этой борьбе участвуют и основные классы, и промежуточные слои, и в разногласии мнений не всегда просто бывает выделить классовые корни тех или иных концепций. Наконец, в-третьих, несправедливо утверждение Й. Шумпетера о том, что К. Маркс совершенно не замечал идеологических моментов своей собственной системы. Возражая своим буржуазным оппонентам, К. Маркс и Ф. Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии»,

²⁴ Schumpeter J.A. History of Economic Analysis. P. 36–37.

что «коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного испоржения всего существующего общественного строя»²⁵.

Й. Шумпетер дал своеобразное разделение материала по истории экономического анализа. Оно отличается от общепринятых (в других курсах) периодизаций истории экономической мысли. Понимая, что подробная характеристика структуры была бы забеганием вперед, ограничимся некоторыми краткими замечаниями. В книге выделены пять частей: 1. Введение. Предмет и метод. 2. От истоков до первого классического состояния (примерно до 1790 г.). 3. От 1790 до 1870 г. 4. От 1870 до 1914 г. (и дальше). 5. Заключение. Наброски к современному развитию.

Хотя в названиях частей фигурируют исторические даты, в основу деления положен не хронологический, а скорее, логический, теоретический критерий. Об этом свидетельствует не только тот факт, что содержание частей нередко выходит за обозначенные хронологические рамки, но и своеобразная логика расположения материала внутри них.

Вторая часть охватывает обширный материал — от греко-римской экономической мысли до физиократов и А. Смита. Это был период становления экономической науки, когда она развивалась, главным образом, в рамках философского знания. В центре внимания у Й. Шумпетера оказывается борьба между «консультантами-администраторами» и «памфлетистами»: между учеными, для которых характерно стремление к широким обобщениям и принятию стратегических решений, и публицистами, погруженными в экономическую эмпирию и увлеченными тактической борьбой. Высшим достижением этого периода Й. Шумпетер считал опыт макроэкономического моделирования, осуществленный Ф. Кенэ и его учениками. Включение «Богатства народов» А. Смита во вто-

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 459.

рую часть не случайно. Рассматривая его лишь как ученого, обобщившего достижения предшественников, Й. Шумпетер стремился показать, что действительный вклад Смита в экономическую науку гораздо меньше, чем обычно приписывают ему.

Третья часть посвящена главным образом эре классических систем, к которым Й. Шумпетер относил школу Д. Рикардо, ее противников, построения Дж. Ст. Милля, а также экономическую систему К. Маркса. Й. Шумпетер полагал, что чрезмерная политизация классических систем способствовала их разложению, сужению экономического видения.

Четвертую часть книги Й. Шумпетера М. Перлман удачно назвал эрой школ и частных дисциплин²⁶. Здесь проанализированы достижения в области истории, социологии, психологии, социальной политики, а также их влияние на развитие экономической науки. Сама же экономическая наука представлена в этой части различными направлениями: старой и новой исторической школой, маржинализмом, американским институционализмом, неоклассическим направлением, марксизмом и др. В центре внимания Й. Шумпетера оказывается исследование теории равновесия, успехи в технике эконометрического анализа.

Последняя, пятая, часть носит характер набросков. Й. Шумпетер стремился показать, что изучение проблем макроэкономической теории может способствовать восстановлению единства экономической науки, объединению ее различных направлений и школ.

В заключение еще раз подчеркнем, что это весьма беглые и краткие замечания об очень сложной архитектонике книги Й. Шумпетера, включающей 31 главу и свыше 160 параграфов.

В «Истории экономического анализа» Й. Шумпетера, как и в большинстве современных курсов истории экономической

²⁶ *Pertman M.* Op. cit. P. 146, 150.

мысли, чрезвычайно скромное место занимает анализ экономической мысли Древнего Востока. Между тем в Древнем Египте, Шумере, Вавилонии, Ассирии существовало развитое государственное хозяйство, получившее яркое отражение в письменных источниках. Велся тщательный учет трудовых, земельных и других материальных ресурсов, появлялись сочинения, посвященные вопросам организации и управления государственным (царско-храмовым) хозяйством («Архашаштра», «Гуань-цзы» и др.), осуществлялась государственная регламентация экономической жизни страны²⁷.

Й. Шумпетер начал исследование с произведений древнегреческих авторов. Однако его анализ ограничился почти исключительно сочинениями Платона и Аристотеля. К сожалению, из поля зрения Й. Шумпетера выпали такие важные для характеристики древнегреческой мысли произведения, как «Домострой», «О доходах» Ксенофонта и др.

Анализ «чистой» экономики Аристотеля свелся у Й. Шумпетера лишь к характеристике товарно-денежных отношений. Аристотеля, как известно, постигла неудача в изучении формы стоимости. Открыв, что «обмен не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости», он не сумел объяснить, в чем эта соизмеримость заключается, какова ее основа. Причины этой неудачи Й. Шумпетер в отличие от К. Маркса объяснял так: «...это произошло по причине его озабоченности этической проблемой справедливости в ценообразовании...»²⁸. К. Маркс видел корни этой неудачи в характере социально-экономического строя, в котором жил и работал Аристотель.: «...Того факта, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как одинаковый и, следовательно, равнозначный человеческий труд, — этого факта Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде

²⁷ Подробнее см.: Всемирная история экономической мысли: в 6 т. М., 1987. Т. 1. С. 28–110.

²⁸ *Schumpeter J.A.* History of Economic Analysis. P. 60.

и потому имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил»²⁹.

После краткой, достаточно односторонней характеристики древнегреческой философии Й. Шумпетер рассматривает вклад римлян. Он справедливо отмечает, что областями, в которых римляне достигли наибольших успехов, были юриспруденция и аграрная наука.

Римские юристы пытались дать определение многим явлениям экономической жизни (купля и продажа, цена, деньги, ссуда, аренда и др.) и тем оказали большое влияние на экономическую мысль средневековой Европы. «Римляне, — как справедливо отмечал К. Маркс, — собственно впервые разработали **право частной собственности**, абстрактное право, частное право, право абстрактной личности. **Римское частное право есть частное право в его классическом выражении**»³⁰.

Сочинения римских рабовладельцев по сельскому хозяйству Й. Шумпетер считал второстепенным для развития экономического анализа вопросом³¹. Однако с такой категоричной оценкой нельзя полностью согласиться. Конечно, крупные римские агрономы (Каток, Варрон, Колумелла) скорее стремились дать набор практических рекомендаций, чем теорию организации рабовладельческой виллы. Тем не менее в их сочинениях содержится немало интересных экономических идей по рациональной организации и управлению передовым рабовладельческим хозяйством средних размеров. В частности, они рассматривали превышение доходов над расходами не только как необходимое условие хозяйствования³², но и разработали систему мер, способствовавших повышению доходности имения, а в сочинении Колумеллы «О сельском хозяйстве» содержится сравнительный анализ

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 69.

³⁰ Там же. Т. 1. С. 347.

³¹ Schumpeter J.A. History of Economic Analysis. P. 70.

³² Cato. De agricultura. 2; Varron. De re rustica. I, 2; Columella. De re rustica. T. 1; Plinius. Naturalis Historia. XIV, 1.

доходности лугов (2%), зерновых (3%) и виноградников (13–15%)³³. Поэтому в советских курсах по истории экономической мысли произведениям древнеримских агрономов уделяется большое внимание³⁴.

Гиперкритической оказалась и оценка раннехристианской мысли. «Социологический диагноз мирских аспектов раннего христианства» Й. Шумпетера, к сожалению, не учитывает того очевидного факта, что раннее христианство стало одним из важнейших идейных источников крестьянско-плебейских ересей западноевропейского средневековья, сыграло заметную роль в генезисе утопического социализма.

Важное значение для развития экономической мысли имел прозвучавший в рабовладельческом обществе христианский призыв к равенству: «Для бога нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного...» (Кол., 3:11; Гал., 3:28). Велико значение христианской церкви и в реабилитации труда. «Если кто не хочет трудиться, — говорится во втором послании Павла к Фессалоникийцам, — тот и не ешь» (2 Фес., 3:10). Труд провозглашается началом всех начал. В раннехристианской литературе формулируется принцип распределения по труду. «...Каждый, — написано в Первом послании Павла к Коринфянам, — получит награду по своему труду» (1 Кор., 3:8). Содержащееся в раннехристианской литературе осуждение ростовщичества (Лк., 6:35 и др.) сыграло важную роль в ходе Реформации католической церкви, в оправдании раннекапиталистического предпринимательства. Протестантизм переосмыслил раннехристианские идеи, приспособив их для капитализма. «Для общества товаропроизводителей... наиболее подходящей формой религии, — писал К. Маркс в «Капитале», — является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм,

³³ *Columella*. De re rustica. III, 3, 7–11.

³⁴ История экономических учений. М., 1983. С. 15–16; Всемирная история экономической мысли: в 6 т. Т. 1. С. 138–147 и др.

деизм и т.д.»³⁵. Таким образом, раннее христианство занимает важное место в истории экономической мысли.

Одной из наименее исследованных областей истории экономической науки по-прежнему остается эпоха феодализма. Ее анализ занимает чрезвычайно скромное место в отечественных и зарубежных курсах по истории экономических учений. В этой связи значение исследования, предпринятого Й. Шумпетером в «Истории экономического анализа»³⁶, трудно переоценить. Значение тем более очевидно, что автор концентрирует внимание читателей не на формальном перечислении ученых, которые так или иначе рассматривали экономические вопросы, или списка книг, на страницах которых нашли отражение те или иные экономические проблемы, а на анализе истоков, содержания и исторических судеб учения средневековых схоластов. Такой подход позволяет автору, с одной стороны, показать преемственность в развитии западноевропейской экономической мысли, а с другой стороны, рельефнее отразить наибольшие достижения интеллектуалов Средневековья.

Конечно, такой подход таит в себе определенные опасности. Во-первых, он грешит абсолютизацией роли Западной Европы, вне поля зрения автора оказывается экономическая мысль Византии, восточно-европейских стран (в том числе России), стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока³⁷. Общеизвестно, например, какой большой вклад в развитие экономической науки внесли ученые мусульманских стран Аль-Фараби (870–950), Ибн Сина (Авиценна, ок. 980–1037), Ибн Рушд (Аверроэс, 1126–1198), Ибн Хальдун (1332–1406) и др. Между тем роль ученых этих стран важна не только

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 89.

³⁶ Начало публикации «Истории экономического анализа» И. Шумпетера (ч. 1; ч. 2, гл. 1) см.: Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М.: Экономика, 1989. С. 235–310.

³⁷ Подробнее об экономической мысли этих стран см.: Всемирная история экономической мысли: в 6 т. М., 1987. Т. 1. С. 187–353 (далее — ВИЭМ).

сама по себе, но и в общем контексте развития мировой экономической мысли. Именно арабские ученые (и это признает Й. Шумпетер) сохранили и передали европейцам значительную часть античного наследия, и прежде всего основные произведения Аристотеля, чем подготовили расцвет схоластики в XIII в.

Во-вторых, Й. Шумпетер рассматривает лишь период развитого Средневековья. Как и в первой главе второй части, автор не показывает становление системы.

Й. Шумпетер предпочитает анализировать уже сформировавшиеся структуры. Конечно, в эпоху раннего феодализма мы почти не встретим законченных экономических учений. Однако эта эпоха важна своими попытками осмысления закономерностей развития феодального хозяйства. К VIII–IX вв. относятся первые попытки управления экономической жизнью феодального государства. Об этом, в частности, свидетельствуют изданные франкскими королями в VIII–IX вв. указы и распоряжения «Капитулярии»: «О чеканке монеты», «О ссудном проценте и ростовщичестве», «О регламентации торговли», «О внутренних таможенных пошлинах» и др. Система организации натурального производства нашла отражение в «Капитулярии о поместьях (IX в.)», служившим своеобразной инструкцией по ведению хозяйства в королевских имениях.

Подробное описание крестьянских наделов, а также повинностей, которые выполняли их держатели, донесли до нас многочисленные «Полиптики» той эпохи (Сен-Жерменский, Фульдский и др.). Вообще следует заметить (и в этом вопросе, к сожалению, данная книга не является исключением из других курсов по истории экономической науки), что Й. Шумпетер анализирует главным образом понятия товарного производства (цена, деньги, процент и др.), оставляя без внимания категории натурального хозяйства.

В-третьих, Й. Шумпетер, концентрируя свое внимание на схоластической доктрине, характеризует экономическую мысль

феодальной эпохи в ее наиболее обобщенном, в известном смысле космополитическом варианте, абстрагируясь от словесных различий отдельных классов и национальных особенностей важнейших западноевропейских стран. Правда, он пишет о гетерогенности феодализма, однако понимает ее весьма своеобразно — как синтез феодальных и буржуазных отношений, как «симбиоз двух существенно различных и в основном, хотя и не полностью антагонистических общественных систем»³⁸. Однако при этом само понятие «капитализм» употребляется не вполне корректно. У Й. Шумпетера оно характеризует не общественно-экономическую формацию, а служит для обозначения возникших в античную эпоху товарно-денежных отношений и допотопных форм капитала³⁹.

Действительно, феодальное общество не было однородным. Однако это не была неоднородность разных социально-экономических систем. Это общество состояло из четырех феодальных сословий: крестьян, светских феодалов, церковных феодалов и горожан. Каждое из этих сословий выработало свою культуру, свое видение мира, свою систему ценностей. Поэтому мы можем говорить о четырех типах экономического мышления в феодальную эпоху⁴⁰. К сожалению, в поле зрения Й. Шумпетера попал лишь один тип, объективно выражающий взгляды священнослужителей, и то главным образом на официальном, интернациональном, интеллектуальном уровне (фактически отсутствует анализ крестьянско-плебейских и бюргерских ересей и даже экономических взглядов крупнейших деятелей Реформации: М. Лютера, У. Цвингли и Ж. Кальвина).

³⁸ Schumpeter J. History of Economic Analysis. L., 1986. P. 75.

³⁹ В этом контексте становится понятным, почему Й. Шумпетер считает, что в недрах феодализма существовали буржуазные классы «Римская промышленность, торговля и финансы не были уничтожены повсеместно. Даже там, где они были уничтожены, или там, где они никогда не существовали, они — а значит, и буржуазные по своему характеру классы — появились или возродились еще до времен Св. Фомы (XIII в. — P.H.)» (Schumpeter J. History of Economic Analysis. P. 74–75).

⁴⁰ Подробнее см. ВИЭМ. Т. 1. С. 159–164.

Й. Шумпетер относит Римскую католическую церковь к «нефеодальному по своему происхождению и природе фактору «средневековья»⁴¹. Однако с этим утверждением, выраженным в столь категоричной форме, вряд ли можно согласиться. Действительно, христианство возникло в период разложения рабовладельческого строя, однако можно ли его отнести к наиболее органичным элементам этой системы? Скорее наоборот, оно подготовило идейные предпосылки феодализма. К тому же Й. Шумпетер пишет не о христианстве вообще, а о Римско-католической церкви. Ее оформление и расцвет произошли именно в недрах феодальной системы, когда Священное писание было дополнено Священным преданием. В результате христианство в его римско-католическом варианте приобрело несомненные феодальные черты. Римско-католическая церковь становится крупным земельным собственником-феодалом, эксплуатирующим феодально зависимых крестьян, взимая либо всю феодальную ренту (на принадлежащих ей землях) либо ее часть (присваивая церковную десятину). Церковная иерархия органически вписалась в феодальную социально-политическую систему, ее сословную структуру. Именно в эпоху феодализма сложилась монополия церкви на интеллектуальное образование: «...догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона... А это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»⁴².

Действительно, положение Римско-католической церкви в эпоху западноевропейского Средневековья было исключительным. Тем не менее не следует забывать, что вселенская христианская культура выражала лишь одну сторону Сред-

⁴¹ Schumpeter J. History of Economic Analysis. P. 75.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 360–361.

невековья. Латинский характер культуры верхов дополнялся местным, национальным характером культуры низов. Именно в эпоху Средневековья из обилия диалектов и наречий формируются европейские языки, возникают народности, образуются централизованные государства. К сожалению, эта вторая часть средневековой культуры, отражающая национальные особенности экономического мышления Англии, Франции, Германии, Италии, Испании и других государств Европы, также не получила отражения на страницах книги Й. Шумпетера.

В соответствии с традициями старой исторической школы (В. Рошер, К. Книс др.) Й. Шумпетер подробно анализирует экономическую доктрину схоластов. Он справедливо указывает, что основными источниками их учения были античная философия (главным образом произведения Платона и Аристотеля, а также Сенеки, Цицерона и др.), патристические сочинения (труды Святого Августина, Дионисия Ареопагита и др.) и римское законодательство. Как реакция на начавшуюся в конце XI в. рецепцию римского права в каноническом праве разрабатывается ряд вопросов, и прежде всего учение о справедливой цене и осуждение процента.

Для того чтобы понять истинное значение вклада схоластов в историю экономического анализа, необходимо хотя бы кратко указать на характерные черты их учения в целом. Это тем более необходимо, так как позволяет понять схоластическое теоретизирование как таковое, его достоинства и недостатки.

Важнейшей характерной чертой средневековой схоластики было преобладание заимствования, подчинение авторитету. В роли авторитета оказалось не только Священное Писание, но и творения отцов церкви, труды Платона и Аристотеля. Преданность великим учителям, сочинения которых считались «подлинными», проявлялась прежде всего в том, что ссылки на них — цитаты — являлись главным аргументом в споре. Конечно, подчинение авторитетам не было

слепым и рабским. Однако даже там, где схоласты вынуждены полемизировать с авторитетами, они с трудом освобождаются от их огромного влияния.

В учении схоластов большую роль играла традиция. Традиционные основы занимают в экономических системах гораздо большее место, чем нетрадиционные, разработанные тем или иным автором. Даже крупные ученые-схоласты отличаются друг от друга главным образом способом синтеза традиционного материала, а не созданием принципиально различных систем.

Новое рождается как синтез параллельных или родственных традиционных течений. Отсюда не только преемственность, но и удивительное однообразие схоластических сочинений. В этих условиях много творческих сил уходит на изучение традиции, главным становится не создание новых концепций, а кропотливая разработка деталей старых. Схоластическое исследование направлено не на изучение и обобщение практики, а на накопление суммы объективных «вечных» истин. Поэтому становится понятной следующая характерная черта схоластической науки — ее школьный характер.

В средневековую эпоху, когда индивид поглощается корпорацией, а личность заслоняется обществом, школа приобретает огромное значение. Само слово «схоластика» обязано своим происхождением школе. Первоначально оно означало учителя и ученика семи свободных искусств, а позднее — уже каждого занимающегося школьной наукой.

Однородность схоластического учения достигалась благодаря тождественности авторитетов, методов исследования и основных воззрений.

Первоначально школьный элемент не был выражен сильно, однако позднее, с ростом университетов и образованием средневековых орденов (францисканцев, доминиканцев, августинцев и т.д.) корпоративный элемент нарастает. Возни-

кают замкнутые школы последователей Фомы Аквинского (1225 или 1226–1274), Иоанна Дунса Скота (ок. 1266–1308), а позднее Уильяма Оккама (ок. 1300–1349 или 1350). Собрания преподавателей университетов решают, чему следует и чему не следует учить. Принадлежность к школе определяет темы исследований, их идейную направленность и метод доказательств.

Большое значение в этих условиях приобретают создание гибкой терминологии, развитие определений понятий, способов их разделения и соединения. Из средневековой схоластики в наш обиход проникли такие термины, как «объективное» и «субъективное», «*a priori*» и «*a posteriori*» и многие другие.

Значительное развитие получает формальная логика. Доказательство приобретает форму разнообразных силлогизмов, которые, конечно, не годятся для вывода новых знаний, но вполне подходят для систематизации уже накопленного школьной наукой багажа.

Средневековые схоласты больше всего заботятся о логичности содержания, что постепенно отражается и на стиле их произведений, написанных однообразной и скучной прозой. Сухие формулы вытесняют образный и метафоричный язык, характерный для сочинений раннего средневековья. Конкретное заслоняется абстрактным, эмоциональное — рассудочным, личное — общим. Такая форма вполне отвечает как безличному характеру схоластической литературы, так и ее дидактическому настрою. Не случайно, что в противовес схоластике развивается мистика.

В период становления и расцвета схоластики преобладает стремление к гармонии. Ученые пытаются согласовать истины, освященные авторитетом церкви, собственными представлениями, найти аргументы в подтверждение этих истин. Это особенно наглядно отражается в своеобразных средневековых хрестоматиях — «Суммах», которые писали преподаватели университетов для своих студентов. Эти сборники-

конспекты содержали обычно не только выдержки из важнейших книг, но и комментарии составителя.

Необходимость согласования изречений различных авторитетов («сентенций») и противоречивых рассуждений о самих предметах рождает стремление представить абсолютные противоположности как относительные путем логической обработки понятий. Первый опыт такого согласования мы встречаем у П. Абеяра (1079–1142). В дальнейшем вырабатывается определенная схоластическая схема. Классическое выражение она получает у Фомы Аквинского. В «Сумме теологии» проблема формулируется обычно в форме вопроса, после чего приводятся возражения и аргументы в его поддержку. Опровержение состоит из трех частей. В качестве главного аргумента обычно приводится цитата из Священного Писания или сочинений отцов церкви, далее следует изложение собственного мнения автора и причин, его породивших, и, наконец, опровержение доводов, выдвинутых в первоначальном возражении. В этой связи трудно согласиться с Й. Шумпетером. Защищая схоластов, он пишет, что «обвинение в том, что безусловное подчинение авторитету церкви делало рассуждения этих ученых монахов несостоятельными с научной точки зрения, оказывается безосновательным»⁴³.

Конечно, подчинение схоластов Римско-католической церкви не было абсолютным. Однако не следует забывать, какое место было отведено их доктрине в общей системе средневекового мировоззрения. В это время знание было поставлено на службу вере, являлось дополнительным аргументом в поддержку Священного писания. Средневековая схоластика стремится разрешить прежде всего богословские задачи, показать земной миропорядок как следствие неземного. Главным в этих условиях становится не исследование внешней природы или человеческой жизни в ее историческом развитии, а познание бога как первопричины и цели развития

---

⁴³ Schumpeter J. History of Economic Analysis. P. 77.

общества. Средневековое мышление носит трансцендентальный, умозрительный характер. Широкий полет метафизики не сдерживается ничем. Рассуждения ведутся, как правило, в отрыве от конкретных эмпирических исследований: как в области естественных, так и гуманитарных наук.

Средневековому мировоззрению чуждо подлинно историческое понимание фактов. Оно не критично, оно любит мерить все понятия абсолютными мерками, не замечая, что на них лежит отпечаток современной ученым эпохи. Но это не значит, что ученые ничего не писали о прошлом и будущем, однако такой подход не имел ничего общего с историческим рассмотрением развития предмета, так как прошлое получалось посредством обратной проекции из настоящего, а будущее выводилось путем логического дедуцирования. Главную роль при этом играла формальная логика. Она являлась не методом исследования реальных проблем реальной экономики, а лишь способом синтеза понятий.

В этой связи большое значение приобретает дедуктивный метод. Он позволяет создавать все новые и новые понятия, с помощью которых создаются хитроумные логические системы, напоминающие готические храмы. Безудержный рост понятий, конечно, способствует накоплению книжной премудрости, усложнению школьных программ. Однако игра в понятия все более и более входит в противоречие с потребностями реальной жизни.

Это касается и канонического права, с помощью которого пытались регулировать экономические процессы. Дело в том, что экономическая доктрина канонистов была скорее сводом правил поведения индивидов в соответствии с принципами всеобщей справедливости, чем обобщением реальных фактов экономической жизни. Экономические проблемы рассматривались с позиций морали, моральной справедливости, с позиций общего блага как конечного критерия деятельности людей.

Понимание справедливости как пропорциональности (эквивалентности) восходит как к Аристотелю (Никомахова этика, V, 1133b), так и к первоначальному христианству («Какою мерою мерите, такую отмерено будет вам» — Мк., 4:24; Мф., 7:2; Лк., 6:38). Эти этические нормы поведения и были перенесены канонистами в сферу экономики, что нашло отражение в учении о «справедливой цене». Понятие «справедливой цены» было выработано в противовес римскому праву. Согласно последнему цена определялась в результате свободного договора. Каноническое право понимает под «справедливой ценой» типичную рыночную цену, складывающуюся при нормальных условиях производства. Это означало, что «справедливая цена» не зависит от случайного волеизъявления участвующих в торговой сделке контрагентов — покупателя и продавца. Впервые такая идея встречается уже у Святого Августина в трактате «О троице» (*De Trinitate*, 13, 3). Дальнейшее обоснование идея «справедливой цены» получила в трудах канонистов. В «Сумме теологии» Фомы Аквинского «справедливая цена» рассматривается как частный случай проявления справедливости вообще. Исходя из того, что справедливость определяется как «постоянное твердое желание давать каждому то, на что он имеет право», Фома Аквинский осуждает попытки продажи вещей дороже их стоимости. Опираясь на Евангелие, он прямо полемизирует с римским правом (*Summa Theologiae, Secunda Secundae, quaestio LXXVII, articulus I*). Однако он допускает исключение, предполагающее продажу вещи по цене выше ее стоимости. Цена будет справедливой, считает он, и в том случае, когда покупатель вещи в ней остро нуждается, а продавец пострадает, уступив ее. Более высокая цена в данном случае компенсирует ущерб, понесенный бывшим владельцем вещи.

Такой подход к «справедливой цене» усиливает субъективный аспект ее понимания. Развитие этой идеи приводит к тому, что «справедливой ценой» считают такую цену, которая не только отражает издержки производства и транспор-

тировки продукта, но и обеспечивает соответствующее каждому сословию существование. Поэтому оформившееся к концу XV в. каноническое право подразумевает под «справедливой ценой» не только типичную рыночную цену, но и такую цену, которая была назначена при участии облеченных доверием людей, определивших ее в соответствии с принципом всеобщей справедливости. Очевидно, что от такого определения «справедливой цены» до оправдания процента лишь один шаг.

Учение о проценте, как известно, еще более тесно, чем учение о «справедливой цене», связано со Священным писанием. «Взаймы давайте, — говорится в Евангелии от Луки, — не ожидая ничего» (Лк., 6:35). Сначала, правда, это правило касалось лишь духовенства, однако позднее (со времен Карла Великого) оно было распространено на все население.

Рецепция римского права показала, однако, что оно находится с ним в вопиющем противоречии. Так, в Кодексе Юстиниана, который интенсивно начали изучать в XII в. в средневековой Европе, были установлены определенные нормы процента для различных ссуд: 12% — под корабельные грузы, 8% — для торговых операций и 4–6% — для прочих (Codex. IV. XXXII. 26. § 2). В этих условиях канонисты, формально опираясь на римское право, пытаются обосновать положения, которые ему прямо противоречат. Их «доказательства» основаны на различении потребляемых (хлеб, пиво, вино) и непотребляемых (дом) вещей. Деньги они относят к первому типу благ. Поэтому, заключают канонисты, требование процента равносильно продаже вещи и требованию платы за ее пользование, т.е. по существу означает двойную продажу, что противоречит римскому праву. Рассматривая ссуду как продажу в кредит, они не принимали во внимание аргумент о том, что при этом необходима плата за потерю времени. Время, рассуждали они, — божье достояние, которым нельзя торговать. Характерно, что этот аргумент использовал и Фома Аквинский (Summa Theologiae, Secunda

Secundae, quaestio LXXVIII, artic. 2). Однако эти метафизические построения были далеки от практики хозяйствования. Господство натурального хозяйства в средневековой Европе имело своей оборотной стороной развитие ростовщичества. «Чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, — справедливо заметил К. Маркс в «Капитале», — тем больше расцветает ростовщичество»⁴⁴. Поэтому не удивительно, что с течением времени в рамках схоластического учения нашлось место для оправдания процента.

С этой целью средневековые схоласты различали в сделках два вида ущерба от неисполнения в срок ссудных обязательств: понесение убытка (*damnum emergens*) и неполучение прибыли (*lucrum cessans*). Первый случай рассматривался как вполне законное основание для взимания процента. Так считал, например, и Фома Аквинский, хотя формально не называл эту сделку ростовщичеством (*Summa Theologiae, Secunda Secundae, quaestio LXXVIII, artic. 2*). Однако уже этот случай открывал широкие «законные» основания для получения процента. Достаточно было установить «бесплатную» ссуду на очень короткий срок (например, 3 месяца), чтобы по истечении его получать очень высокие проценты. В Западной Европе в XII–XIV вв. они достигали $43 \frac{1}{3}$ и даже 60%.

Й. Шумпетер подробно останавливается на более позднем варианте обоснования получения процентов, когда схоласты стали связывать его существование с предпринимательской деятельностью. Такое объяснение, безусловно, составляло шаг вперед по сравнению с ранней схоластической доктриной. К тому же, и это следует особо подчеркнуть, позднейшая каноническая теория фактически рассматривала процент как часть промышленной или торговой прибыли, т.е. объективно носила уже буржуазный характер. Несомненно, такая теория должна была найти положительный отклик и в сердце

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч, 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 160.

Й. Шумпетера, который сам рассматривал процент как своеобразную плату за технический прогресс⁴⁵.

Й. Шумпетер любит сложность логических построений поздних схоластов. Он не хочет квалифицировать их метафизические системы в качестве серии попыток, прикрывающих отступление церкви от первоначальной позиции. Тем не менее в значительной мере дело обстояло именно так. Начав с запрещения ростовщичества, католическая церковь постепенно сдавала одну позицию за другой и закончила тем, что к концу Средневековья фактически легализовала его. Об этом свидетельствует и учение о ренте, маскировавшее ростовщичество покупкой ренты; и учение о праве товарищества (когда получение прибыли обосновывалось риском совместной торговой операции); и ипотека судна (договор бодмерей); и тройной договор; и оправдание государственных займов; и обоснование учеными ордена францисканцев «справедливости» выдачи под небольшой процент ссуд фондами для благотворительных нужд. Наконец, об этом наглядно свидетельствует определение ростовщичества, данное Латеранским собором: «Под именем ростовщичества следует понимать тот случай, когда займодавец желает извлечь барыш из пользования такою вещью, которая сама по себе не приносит плода (в противоположность таким вещам, как стадо, поле), не неся притом ни труда, ни расходов и не подвергаясь риску»⁴⁶.

Данное определение ростовщичества предоставляет массу лазеек нарождающейся буржуазии. Достаточно было представить процент как результат «труда», «расходов», «риска» или облечь в форму «товарищества», чтобы избежать осуждения церкви. Такое определение не только составляло шаг вперед по сравнению с ранней схоластической доктриной, но и

⁴⁵ Подробнее см.: Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, процента и цикла конъюнктуры). Гл. 5.

⁴⁶ Цит. по: Эшли У. Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897. С. 755.

фактически означало легализацию ростовщичества, осуждался уже не процент как таковой, а лишь его высокая ставка.

Конечно, оценка схоластов в «Истории экономического анализа» Й. Шумпетера оказалась несколько завышенной. Этим, видимо, главным образом и объясняется недооценка в этой книге экономических концепций эпохи Возрождения и Реформации. Тем не менее нельзя отрицать, что каноническое учение сыграло важную роль в истории нашей науки. Благодаря усилиям схоластов удалось не только сохранить значительную часть античного наследия, но и разработать достаточно стройную и в известном смысле непротиворечивую теорию. В учении канонистов мы встречаемся не с простой фиксацией отдельных экономических понятий, а с попыткой создания логической системы категорий, системы, правда, сильно оторванной от реальной жизни. Этот первый опыт схоластического теоретизирования оказался не только полезным, но и порой весьма заманчивым для последующих поколений.

Подведем некоторые итоги. Й.А. Шумпетера на протяжении всей его жизни волновали три основные проблемы: методология и история экономического анализа, проблемы экономической динамики и концепция экономического развития. Именно последние две и предопределили его влияние на эволюционную экономику. Попытка преодолеть статический характер неоклассики, найти причины нарушения равновесного состояния, рассмотрения движения не по кругу, а по спирали, резко выделяет Шумпетера среди современников. Шумпетер ввел в экономическую науку принципиально важное различие между экономическим ростом и экономическим развитием. Это предопределило возрастающий интерес к его взглядам экономистов последующих поколений.